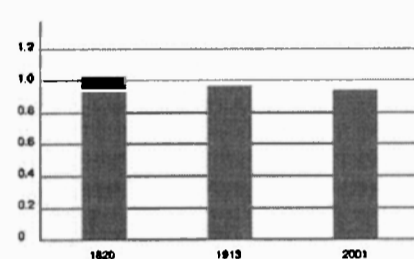

20.04.2004

Экономический рост и человеческий фактор

Тэги: россия (/search/tags/?tags=россия), экономика (/search/tags/?tags=экономика), ввп (/search/tags/?tags=ввп), гайдар (/search/tags/?tags=гайдар)

Об экономическом росте как важнейшей цели государственной политики говорят и пишут у нас много и охотно. Порой даже складывается впечатление, что общество уверовало: достаточно нам удвоить ВВП – и главное будет позади. Статья Егора Гайдара, которую мы с любезного согласия автора перепечатаем в сокращенном варианте из № 9 журнала «Вестник Европы», выделяется трезвым, безыллюзорным подходом и к проблеме экономического роста как таковой, и к перспективам развития России в мировом контексте. И потому точка зрения автора, как нам представляется, заслуживает широкого читательского внимания.

Отношения душевого ВВП России к мировому душевому ВВП в 1820–2001 годах

О том, чего мы не знаем

Проблемы экономического роста после социализма, устойчивости этого роста, факторов, которые на него влияют, – все это выходит сегодня на первый план. Двадцать лет назад благодаря так называемой комплексной программе научно-технического прогресса в Советском Союзе действовал мощный блок научных учреждений, которые занимались исследованием долгосрочных проблем экономического развития. Подавляющее большинство экономических институтов давали свои прогнозы относительно того, какой будет наша страна через двадцать лет. К реальной жизни такого рода исследования имели мало отношения, тем не менее они позволяли организовывать обсуждения существовавшей экономической проблематики. В то же время практически никто не составлял прогнозы о том, какой будет отечественная экономика через три, через шесть месяцев или в течение ближайшего года.

Сейчас ситуация во многом обратная. Мы располагаем большим числом квалифицированных публикаций, в основе содержания которых – краткосрочный анализ и краткосрочное прогнозирование событий в российской экономике. И очень слабо представлены исследования, связанные с долгосрочной перспективой. В условиях бурного переходного периода такой перекосяк был неизбежным, но сейчас ситуация объективно меняется. Произошла глубокая трансформация собственности. В крупных российских компаниях составляются программы долгосрочного развития, идет работа над крупномасштабными инвестиционными проектами. Для того чтобы их осмысленно осуществлять, необходимо понимать, какой станет окружающая среда к тому времени, когда инвестиционный проект будет реализован. Понимание того, что происходит в экономике сегодня имеет свои корни в событиях начала 90-х годов (а от осуществляемого нами сейчас в огромной степени зависят перспективы роста в 2005–2010 годах), свойственно любому серьезному исследователю. Значительно труднее добиться, чтобы это понимание стало свойственным обществу и тем, кто принимает принципиальные политические решения.

Мы гораздо лучше знаем, чего не следует делать, если мы не хотим остановить экономический рост, нежели то, что можно и нужно предпринять для его форсирования. Не нужно манипулировать валютным курсом и допускать образование черного рынка. Не нужно допускать высокую инфляцию. Не нужно допускать крупный бюджетный дефицит. Желательно иметь менее коррумпированную бюрократию. Желательно опираться на хорошо работающую правовую и судебную систему. Этот набор условий достаточно изучен и понятен. Но все попытки ускорить рост на основе набора нестандартных рецептов – ускорения инвестиций, вложений в ту или в другую отрасль, – все это, к сожалению, оказывается малорезультативным. При доставшейся нам в наследство крайне неэффективной бюрократии риски ошибок в выборе отраслевых приоритетов особенно велики.

К тому же надо помнить, что решаем мы не задачу догоняющего индустриального развития, где в качестве ориентира можно взять образ структуры экономики более развитых стран и пытаться этот образ сымитировать. Мы решаем другую, гораздо более сложную задачу – задачу догоняющего постсоциалистического постиндустриального развития, где сами закономерности развития изучены существенно хуже, а перемены происходят очень быстро. И есть огромный риск того, что, выбрав и реализовав некий отраслевой приоритет, мы окажемся перед досадным фактом: результаты этой реализации никому не нужны, не востребованы рынком.

Именно по такой причине инвестиции усилий в создание гибкой системы национальных институтов, обеспечивающих рост, являются собой гораздо более осмысленный выбор, нежели попытка выстроить ту или другую конкретную модель структурной отраслевой политики.

О «клубе конвергенции»

В последние годы укоренилось понятие «клуба конвергенции», то есть набора стран, в котором менее развитые страны с меньшим уровнем ВВП растут в долгосрочной перспективе темпами более высокими, чем страны более развитые. Этим клубом охвачен отнюдь не весь мир, а Советский Союз выбыл из него еще в конце 70-х годов. По всей видимости, содержательная база конвергенции – это способность стран, соответствующих национальных институтов обеспечить эффективный обмен рыночно ориентированной информацией о технологиях, которые могут быть применены в менее развитых странах, обеспечивая им более высокие темпы экономического роста, чем имеют те страны, которые находятся на грани собственных технологических возможностей. Сложнейшая задача России сегодня – надежно закрепиться в «клубе конвергенции». Мне кажется, это неизмеримо более важно, чем спор о процентах темпов роста (скажем, 3 или 4%), которых нам следует добиваться.

О восстановительном росте

Нынешний экономический рост в России носит восстановительный характер. Он тесно связан с предшествующей рецессией, падением производства после краха Советского Союза. Падение было обусловлено, в свою очередь, структурной перестройкой экономики и кризисом старой системы хозяйственных связей, тогда как их новая система еще не сформировалась. Этот кризис был в основном преодолен к 1997 году. В дальнейшем развитию восстановительных процессов помешал финансовый кризис 1997–1998 годов. Эти процессы были продолжены с 1999 года.

Восстановительный рост – известный, но достаточно необычный, не очень хорошо изученный феномен; в каждой из стран, которые через него проходят, его отличает своя специфика. Это отчетливо проявилось в 20-х годах, когда восстановительный рост был зафиксирован в России впервые и были предприняты первые попытки его анализа экономистами В.Громаном и В.Базаровым.

И сейчас мы тоже не очень ясно представляем себе, как будут дальше развиваться в нашей стране процессы восстановительного роста. Есть основания полагать, что пределы его будут исчерпаны при объемах выпуска более низких, чем те, которые были характерны для российского ВВП в период максимального его уровня при социалистическом производстве. Но это гипотеза. А вот что известно точно – то, что восстановительный рост носит затухающий характер. Восстановительный рост поначалу всегда становится приятным сюрпризом для экономико-политической элиты. А потом он превращается в проблему: ведь темпы не удерживаются на изначальном уровне, они начинают падать.

Структурные реформы – условие долговременного роста

Снижение темпов экономического роста между 2000–2003 годами – существенный фактор, влияющий на формирование экономической политики. Важной задачей, которую решало правительство на протяжении последних лет, было проведение набора структурных реформ, необходимых, чтобы придать росту характер устойчивый и долгосрочный. Последовательно претворять в жизнь эти реформы начали в 2000–2001 годах. По ряду важных направлений за эти годы было сделано много полезного. Политические проблемы, связанные со структурными реформами, состоят в том, что последние не дают отдачу в краткосрочной перспективе, они «всего лишь» закладывают базу долгосрочного экономического роста.

Сегодня никуда не деться от реалий политического процесса. А выглядят эти реалии в глазах значительной части элиты и населения примерно следующим образом: правительство втянулось в проведение структурных реформ. Между тем жизнь радикально не улучшается, проблем в российской экономике остается множество. Непросто объяснить: чтобы запознать основы устойчивого роста, нужны преобразования не одиночные, а взаимодополняющие. Если в России будет хорошая налоговая система, но не будет надежно защищенных прав собственности, мы не получим масштабных капитальных вложений, необходимых для устойчивого роста.

Нефть и рост

Еще одна важная составляющая текущей экономической политики – высокие цены на нефть. Российское правительство четыре года в условиях высоких цен проводило достаточно консервативную и ответственную макроэкономическую политику. Это не может не вызвать уважения. Предшествующий нынешнему период

аномально высоких цен на нефть (это 1979–1982 годы, тогда цены на нефть в реальном исчислении были примерно втрое выше, чем в 1999–2002 годах) был отмечен «разжижением мозгов» политического руководства – настолько серьезным, что мы умудрились ввязаться в войну в Афганистане.

К сожалению, способность правительства проводить ответственную макроэкономическую политику при высоких ценах на нефть ограничена. В такой ситуации растет спрос на популярные решения, чувствуется острая потребность в том, что дает быструю отдачу, «обещает прорыв».

Нам нужны не авантюры, а продолжение ответственной макроэкономической политики и структурных реформ. Нужно суметь удержаться избежать паники из-за краткосрочных колебаний темпов роста, в максимальной степени подготовиться к использованию того окна политических возможностей, которое откроется в России весной–летом 2004 года после президентских выборов.

Россия на дистанции двух веков

Если всерьез обсуждать проблемы долгосрочных перспектив России, имеет смысл проанализировать то, как страна развивалась не в течение последних трех или даже десяти лет, а на длительной исторической дистанции, например на протяжении последних двух веков. Если мы рассмотрим эволюцию российской экономики на фоне мирового развития последних двух столетий, увидим, что российский душевой ВВП в 1820 году был близок к средним мировым показателям и примерно на том же среднемировом уровне (с учетом точности расчетов) оставался и в 1913 году, и в 2001 году (см. график 1).

Да, между этими тремя точками российский душевой ВВП отклонялся от среднемирового, но колебания носили достаточно ограниченный характер. Величина дистанции, отделяющей Россию от стран – лидеров мирового экономического развития (в XIX веке – Англия, в XX веке – Соединенные Штаты Америки), в течение этих двух веков тоже колебалась, но колебания происходили опять-таки в достаточно узком интервале (см. табл. 1).

Таблица 1

Отношение душевого ВВП в России к душевому ВВП стран – лидеров современного экономического роста*					
Годы	1820	1870	1913	1950	2001
Отношение	0,44	0,32	0,28	0,30	0,25

*1820–1870 годы – Англия, 1913–2001 годы – США

Сегодня чрезвычайное внимание приковано к успехам экономического развития Китая, достигнутым за последнюю четверть XX века. При этом нередко забывают, что именно резкое падение доли Китая в мировом валовом внутреннем продукте было одним из самых серьезных структурных сдвигов в мировой экономике между 1820 годом и 70-ми годами XX века. После четверти века динамичного роста доля Китая в мировом валовом внутреннем продукте почти втрое ниже, чем она была в 1820 году.

На этом фоне близость российских показателей к их среднемировым значениям выглядит впечатляюще. Это тем более важно, что на протяжении последних двух веков в мировом экономическом развитии происходили беспрецедентные изменения.

Масштабные и взаимосвязанные структурные изменения происходили в странах с разными культурными традициями, различным уровнем ресурсной обеспеченности, неодинаковым географическим положением. Казалось бы, понимание этих общих, выстроенных по сходным сценариям, связанных с экономическим развитием процессов дает в руки исследователю, занимающемуся долгосрочной динамикой роста, мощный инструмент для анализа и прогнозирования.

Представление о железных законах исторического развития, позволяющих точно предвидеть логику происходящего в мире, стало стержнем марксизма – учения, доминировавшего в анализе долгосрочных перспектив эволюции социально-экономических отношений в конце XIX – начале XX века. Вместе с тем XX век выявил важное свойство современного экономического роста, которое не было осознано ни К. Марксом, ни марксистами. Ему сопутствуют быстрые и трудно прогнозируемые изменения доминирующих тенденций в развитии социально-экономических систем и национальных экономик.

До конца XIX века при обсуждении ключевых финансовых проблем доминировало представление о наличии верхних пределов налогообложения. Эта парадигма впервые была поставлена под сомнение в 70-х годах XIX века А. Вагнером, сформулировавшим гипотезу о нарастании по мере экономического развития доли перераспределяемых государством доходов в объеме экономической деятельности. Резкое расширение возможностей современного государства на фоне роста благосостояния позволило радикально увеличить долю

государственных изъятий в валовом внутреннем продукте в XX веке. Между 1910 и 1970 годами представление о безграничности возможностей наращивания государственной нагрузки на экономику стало почти общепринятым в финансовой литературе.

Начиная с 70-х годов ситуация радикально меняется. Выясняется, что в наиболее развитых государствах при выходе норм налогообложения на уровень, близкий к 50% ВВП, возникают серьезные проблемы, связанные с политической мобилизацией налогоплательщиков, распространением теневой экономики, замедлением экономического роста, утратой международной конкурентоспособности.

С точки зрения сегодняшнего дня очевидно, что сам процесс выхода норм налоговых изъятий с уровней, характерных для аграрных обществ (примерно 10% ВВП), на уровень, доступный высокоразвитым постиндустриальным экономикам (30–50% ВВП), носил переходный характер. Прогнозировать развитие этого процесса до его завершения было практически невозможно.

То, что современный экономический рост является незавершенным, продолжающимся процессом, причем процессом, для которого характерны быстрые и радикальные смены доминирующих тенденций, существенно осложняет использование выявленных закономерностей для прогнозирования развития событий в странах-лидерах, идущих в авангарде экономического развития человечества. Однако страны-лидеры, те, кто начал экономический рост в первые десятилетия XIX века, занимают здесь совсем не то положение, что государства, в которых современный экономический рост и связанные с ним социально-экономические изменения начались позже.

Опыт первых – лидеров – позволяет делать важные выводы о проблемах и тенденциях, с которыми вторые – страны догоняющего развития – столкнутся в будущем. Есть авторы, которые полагают, что тенденция дальнейшего развития процесса глобализации неизбежна. Есть те, кто убежден в том, что мир стоит на пороге деглобализации. То и другое доказать невозможно. А вот то, что России на протяжении следующих 50 лет предстоит решать проблемы, которые страны – лидеры современного экономического роста решали на протяжении последней половины XX века, на стадии, носящей сегодня название постиндустриальной, – можно утверждать с высокой степенью вероятности.

У К. Маркса представление о том, что более развитые страны показывают менее развитым лишь картину собственного будущего, было доведено до жесткого детерминизма. Однако К. Маркс недооценил три существенных фактора, отличающих развитие стран догоняющего роста от траектории движения стран-лидеров: отчетливо проявились названные факторы уже в XX веке.

Первый из них – сама дистанция от лидеров. Второй фактор – сами условия глобального мирового развития, которые задаются лидерами. В ближайшие десятилетия, как это ни прискорбно для нас, мировой контекст развития будет задаваться не тем, что происходит в России, Индии или Бразилии, а тем, как развиваются события в Северной Америке, Западной Европе, Японии. Экономические и политические процессы, которые начнут проявляться в странах-лидерах, окажут сильное влияние на эффективность национальных стратегий развития в странах, следующих за лидерами.

Национальные традиции как фактор развития

Третий фактор, определяющий специфику траектории догоняющего развития, – это национальные традиции, доставшиеся в наследство от соответствующих аграрных цивилизаций. Например, семейные отношения, возникшие в прошлом тысячелетии в Западной Европе, отличаются от тех, которые характерны для исламских стран, а также стран, где господствовали буддизм или конфуцианство. Распространенность малой или разветвленной семьи, обычаев семейной солидарности оказывает существенное влияние на развитие систем социальной защиты, национальные нормы сбережения, на экономическое развитие в целом.

Значение опыта лидеров для стран догоняющего развития состоит не в том, чтобы его слепо копировать, а в том, чтобы понимать стратегические проблемы, с которыми придется столкнуться; чтобы в ходе выработки национальных стратегий развития минимизировать риски, не повторять чужих ошибок.

Если сравнить сегодняшний душевой ВВП России с душевым ВВП стран – лидеров экономического роста, то можно увидеть размеры отделяющей нас дистанции (см. табл. 2).

Таблица 2

Годы, в которые душевой ВВП в странах – лидерах современноэкономического роста равнялся российским показателям 2001 г.	
Страны	Годы
США	1935
Австралия	1936

Канада	1941
Новая Зеландия	1948
Англия	1934
Швеция	1944
Германия	1953
Франция	1951
Италия	1959

Точность расчетов душевого ВВП в паритетах покупательной способности достаточно ограничена, и обсуждать результаты таких сопоставлений необходимо с большой осторожностью. Но в целом данные, содержащиеся в таблице 2, показывают, что дистанция, отделяющая Россию от стран-лидеров, составляет сегодня примерно от 40 до 60 лет.

Сравним эволюцию российского ВВП, происходившую в течение длительного времени, с эволюцией ВВП крупных стран континентальной Европы (Франции, Германии). Эти страны имеют смысл взять за точку отсчета, оценивая дистанцию, отделяющую Россию от лидеров: так же, как и Россия, они оказались втянутыми в XX веке в две мировые войны на их территории; искажающее влияние этих войн на их развитие имеет сходство с влиянием тех же войн на Россию.

Содержащиеся в таблице 3 данные показывают, что отставание России от Германии, Франции по душевому ВВП было достаточно стабильным на протяжении примерно полутора веков. Таблица 3 может дать базу для излишне оптимистических выводов о постепенной тенденции к сокращению дистанции между Россией и странами-лидерами. Однако надо учесть, что в начале 50-х годов серьезное влияние на показатели Германии и Франции еще оказывали последствия Второй мировой войны.

Таблица 3

Страны	Годы			
	1870	1913	1950	2001
Франция	~60	63	46	50
Германия	~60	63	55	48

Речь идет не о случайных, вырванных из контекста данных о душевом валовом внутреннем продукте России, Франции и Германии. С этими изменениями были связаны и другие важные структурные изменения национальных экономик.

Так, динамика доли городского населения в России, Германии и Франции на протяжении последних двух веков с лагом в 50 лет показывает сходную картину – Россия отстает примерно на два поколения (50 лет).

Отставание на два поколения

Мы рассматриваем траектории развития стран на протяжении двух веков в эпоху быстрых масштабных социально-экономических изменений. Для России этот период включал две революции, крах двух империй, две мировые и одну гражданскую войны, крупнейший в мировой истории социально-экономический эксперимент, который назывался «социализм», и его крушение. Тем не менее на протяжении этих веков дистанция по уровню развития между Россией и крупнейшими странами континентальной Европы оставалась достаточно стабильной и составляла примерно два поколения (50 лет). Начав современный экономический рост примерно на два поколения позже, чем он начался в Западной Европе, в 80-х годах XIX века, Россия сохраняла сложившуюся дистанцию. Разумеется, из этого нельзя сделать вывод о том, что соответствующий лаг задан и навсегда останется таким же.

Если принять невеселую гипотезу, что дистанция, существовавшая на протяжении полутора веков, сохранится и дальше, то через 50 лет уровень жизни, структура занятости, инфраструктура в России будут примерно такими же, какими они являются сегодня во Франции или Германии. Это предполагает рост душевого ВВП темпами, близкими к 2% в год, то есть то, как развивалась мировая экономика на протяжении последнего полувека.

Если российская экономика на протяжении ближайших десятилетий будет развиваться так же, как она растет сегодня, то есть темпами, близкими к 4% в год, эту дистанцию можно пройти за 25 лет, что было бы, конечно, замечательным результатом. Но лидеры уйдут за это время дальше.

Понимание масштабов расстояния, которое на протяжении длительного времени продолжает отделять Россию от стран-лидеров, нужно не для манипуляций цифрами роста и создания прогнозов на этой основе. Необходимо оно, во-первых, чтобы мы представляли себе, в чем российское развитие отличалось в прошлом и, видимо, будет отличаться в дальнейшем от развития стран-лидеров. И, во-вторых, с какими структурными проблемами нашей стране придется столкнуться на следующих этапах экономического роста.

Особенности российской демографии

Первое, в чем российское развитие по набору важнейших социально-экономических характеристик отличалось от траектории развития лидеров, – это демографическая динамика (см. табл. 4).

Таблица 4

Доли стран в мировом населении (%)				
Страны	Годы			
	1900	1950	2000	2050
Россия	4,31	4,03	2,34	1,04
США	4,63	6,26	4,55	3,96
Япония	2,67	3,32	2,04	1,09
Англия	2,33	2,01	0,95	0,59
Франция	2,46	1,66	0,95	0,62
Китай	24,24	22,01	20,47	14,59

Само по себе снижение доли России в численности населения земного шара – явление не уникальное. Неуклонно снижались на протяжении последнего века также доли стран-лидеров, не являющихся иммигрантскими странами.

Так в чем же наше отличие?

В том, что Россия, начавшая современный экономический рост на два поколения позже лидеров и быстро наращивавшая свою долю в мировом населении в начале XX века, должна была при инерционном развитии событий иметь к концу XX века удельный вес существенно больший, нежели тот, который она имеет сейчас. То, что произошло в России, было связано как с крупномасштабными социальными катастрофами (две мировые войны, гражданская война, коллективизация, репрессии), так и со спецификой социалистической модели индустриализации.

Женщины и экономика

Специфика социалистической модели индустриализации предполагала необычно раннее вовлечение женщин в занятость вне домашнего хозяйства.

Уже в 1950 году доля женщин в общем числе занятых в России была выше, чем она будет во Франции и Германии к 2000 году, то есть на стадии развитого постиндустриального общества. Процесс вовлечения женщин в занятость влечет за собой параллельный процесс сокращения числа рождений, приходящихся на одну женщину. Данные таблицы 5 показывают, как этот процесс развивается в России, Германии, Франции и Испании. С точки зрения последовательности развития демографических процессов, связанных с современным экономическим ростом, падение среднего числа рождений на одну женщину начинается в России примерно на два поколения раньше, чем в странах-лидерах.

Статистика рождаемости искажается в результате влияния демографических волн, порожденных мировыми войнами.

Таблица 5

Среднее число рождений на одну женщину			
Страны	Годы		
	1950–1955	1975–1980	1995–2000
Германия	2,16	1,52	1,34
Испания	2,57	2,57	1,19
Россия	2,85	1,94	1,25
Франция	2,73	1,86	1,76

Продолжительность жизни

Еще один фактор, который обусловил снижение доли России в общей численности населения земного шара, также связан с социалистической моделью индустриализации. До середины 60-х годов отмечалось постепенное сближение показателей продолжительности жизни в России и в странах-лидерах современного экономического роста. С середины 60-х годов этот процесс прекращается. Устойчивость показателей продолжительности жизни в России на фоне нарастания дистанции по отношению к лидерам на протяжении почти 40 лет – очень необычный в мировой демографической истории процесс.

Если бы доля России в мировом населении сегодня была бы такой же, как в 1913 году, население России составляло бы сегодня примерно 300 миллионов человек.

Социальная сфера и экономика

В XX веке в мире шло быстрое увеличение доли расходов расширенного правительства в валовом внутреннем продукте.

Именно на этом фоне формировались современные системы социальной защиты и организации социальных отраслей – пенсионирования, здравоохранения, образования. Этот процесс начался в 80-х годах XIX века в Германии и в основном завершился в странах – лидерах современного экономического роста к середине 30-х годов. Достройка этой системы происходила после Второй мировой войны в 50-е годы. Социальная среда в период ее формирования радикально отличалась от той, которая характерна для постиндустриального общества. Общество еще было молодым. Доля старших возрастных групп, на которые распространялись пенсионные права, была ограниченной. Большая часть лиц, имеющих право на пенсию, продолжала работать. Пенсионная система, по сути, была страховкой на риск дожития до нетрудоспособности. В 30-х годах XX века, когда возникает государственная пенсионная система в США, доля лиц в возрасте старше 65 лет составляла лишь 9,7%. В послевоенный период начинается процесс быстрого старения населения, и доля эта возрастает в 2–3 раза. Процесс носит долгосрочный характер, он будет продолжаться и дальше.

Системы социальной защиты формировались в условиях, когда возможности наращивания налоговых доходов казались неограниченными, а обязательства были скромными. В результате возникали структуры, которые на десятилетия закладывают растущие обязательства. Пока удавалось наращивать налоговые поступления, это противоречие можно было игнорировать. Но к 70-м годам XX века обозначаются пределы налоговых изъятий, существующие в условиях постиндустриального общества.

Еще один фактор, наложивший отпечаток на формирование социальных обязательств в 50-е годы: это был период аномально высоких темпов экономического роста, компенсировавший их падение в 1913–1950 годах. С середины же 70-х годов XX века, по исчерпанию резервов компенсаторного роста, мировая экономика начинает расти медленнее.

Формирование систем социальной защиты происходит под влиянием таких факторов, как молодое население, быстрый рост налоговых возможностей и аномально высокий экономический рост. Потом выясняется, что такого благоприятного сочетания нет. Отсюда ключевой конфликт постиндустриального общества – противоречие между пределами возможностей государства мобилизовать доходы и системой быстро растущих социальных обязательств. Именно этот конфликт определяет наиболее острые социальные и экономические проблемы стран-лидеров на протяжении последних тридцати лет.

Здравоохранение

Растущая продолжительность жизни в сочетании с повышающейся приоритетностью услуг здравоохранения в потребностях постиндустриального общества задают траекторию быстрого роста доли здравоохранения в ВВП при нарастающих структурных проблемах в этой области.

Рост доли здравоохранения в ВВП США идет особенно динамично, в Англии этот процесс идет медленнее, но везде она увеличивается в 2–3 раза на протяжении сорокалетнего периода. Выявляется объективное противоречие: общество хочет больше тратить на здравоохранение, а возможности обеспечить удовлетворение этой потребности при существующих формах его организации и финансирования отсутствуют. Бесконечно наращивать бюджетные расходы на здравоохранение не удается.

Состояние нынешней системы здравоохранения в России не нуждается в подробном описании. Раздутый коечный фонд, большое количество врачей, невысокое качество медицинского обслуживания, очереди, формальные и неформальные соплатежи населения – все это известные реалии. На протяжении последнего десятилетия российскую систему здравоохранения пытались реформировать, вводить страховые элементы, сокращать коечный фонд, долю расходов на стационарное лечение. Результаты оказались скромными. Важно понять – это не специфические проблемы России, порожденные постсоциалистическим кризисом и легко преодолимые при улучшении экономического положения. Они носят серьезный структурный характер, заданы на долгие десятилетия логикой развития постиндустриального общества.

Преимущество России состоит в том, что мы столкнулись с этими проблемами достаточно рано, у нас еще есть свобода маневра и возможности многое изменить. Ведь нередко очевидно полезные изменения и реформы в здравоохранении, например США, наталкиваются на одно фундаментальное препятствие – то, которое называется «интересы медицинского лобби». Его усилия были весьма действенными, в частности, в отношении ограничения эффективности контроля за издержками в здравоохранении.

Есть два важных направления реформ в области организации российского здравоохранения, заслуживающие серьезного внимания. Первое – переход от финансирования сети к финансированию предоставляемых услуг. Второе – создание механизмов легального частного страхового софинансирования здравоохранения, позволяющего расширить свободу маневра для пациента и создать адекватную систему стимулов для отрасли.

Целесообразно предоставить работодателю и работнику право выхода из государственной системы обязательного медицинского и социального страхования с передачей соответствующих средств в лицензированные частные компании, занимающиеся медико-социальным страхованием, сохранив возможность финансирования страховых выплат малообеспеченным за счет общих доходов бюджета. Полезно было бы сочетать это со стимулированием создания фирм, реализующих и страховые, и собственно медицинские функции. Как показывает опыт, это благоприятно сказывается на эффективности расходов.

Сочетание права выхода из системы государственного медико-социального страхования и реформирования социальных вычетов позволяет снизить реальное налоговое бремя, увеличить объем финансирования, поступающего в систему здравоохранения, создать адекватную систему стимулов для организаций, действующих в системе здравоохранения, уйти от распределения финансовых ресурсов по числу больничных коек.

Реформа системы образования

Рост потребности в услугах системы образования был в постиндустриальном обществе не столь динамичным, как рост потребности в услугах здравоохранения. Частично это связано с тем, что население стареет и контингент обучаемых сокращается, хотя продолжительность обучения быстро растет и все настойчивей проявляет себя необходимость непрерывного образования. В этой области постиндустриальный мир столкнулся с проблемами, сходными с теми, что и в системе здравоохранения. Большие усилия были направлены на обеспечение равных возможностей обучения, на то, чтобы минимизировать зависимость качества образования от способностей родителей его финансировать. Но при нарастающих бюджетных ограничениях система начинает работать неудовлетворительно. Недостаточное финансирование снижает качество обучения. Децентрализация финансирования образования, характерная для многих постиндустриальных стран, ведет к резким различиям в качестве образования, связанным с местом проживания семей, порождает тенденцию к поселенческой социальной сегрегации.

Сегодняшний механизм приема в российские вузы устроен парадоксально. Все знают о существовании частных соплательщиков при поступлении в вузы, знают, как работает отлаженная машина репетиторства, знают, что возможности получить бесплатное образование у детей из наиболее высокостатусных и наиболее обеспеченных групп населения существенно выше, чем у прочих. Следующая группа – менее высокостатусных и менее высокодоходных – вынуждена отправлять своих детей на обучение за частный счет. Дети из бедных семей идут в армию. Беречь и лелеять подобный механизм смысла нет.

Многочисленные предложения по реформе образования, которые сегодня активно обсуждаются и отрабатываются в ходе проводимого в стране эксперимента, являются попыткой разрешить это противоречие. Стремление обеспечить доступ к образованию детей из не высокостатусных и высокооплачиваемых семей обычно выводит на систему тестирования. По-другому отбирать тех, кто будет иметь право получить образование за государственный счет прозрачным образом, сложно. С точки зрения решения вопроса о том, кто должен получать государственные деньги на обучение, система тестов при всех своих известных недостатках, по-видимому, не имеет альтернативы. Но предлагается таким образом отбирать не только тех, кто получит государственные деньги, но и тех, кто будет учиться в конкретном вузе. К сожалению, система тестов не позволит отобрать тех, кто способен учиться в консерватории, на мехмате МГУ или на факультете восточных языков

Есть объективное противоречие: обеспечение качественного образования предполагает возможность вуза отбирать студентов по своим критериям, а обеспечение равного доступа и ограничение коррупции предполагает стандартные процедуры. Это противоречие не является неразрешимым. Нужно лишь внести серьезные изменения как в существующие установления, так и в то, что предполагается сделать в этой области в рамках распространения идущего эксперимента

В случае внесения корректив можно предоставить вузу право самому отбирать студентов, установив минимальную долю приема студентов с государственным образовательным ваучером. Это позволит сочетать простые правила: государство отбирает тех, кому оно платит за образование, а вузы сохраняют право отбирать тех, кого они считают годными к обучению по соответствующим специальностям. Эта система станет особенно привлекательной в сочетании с военной реформой и переходом к контрактной армии, когда учеба в вузе перестанет быть средством уклонения от военной службы.

Проблемы пенсионной системы

В 1940 году в Советском Союзе было 4 миллиона пенсионеров, из них 200 тысяч пенсионеров по старости. Впоследствии ситуация начинает меняться, идет процесс старения населения, увеличения пенсионной нагрузки на одного занятого (см. табл. 6).

Таблица 6

Соотношение лиц пенсионного возраста ¹ и занятых (%)	
Страны	Соотношение лиц пенсионного возраста и занятых
2000 год	
США	25,48
Великобритания	36,95
Франция	49,88
Германия	38,40
Япония	34,14
2050 год, Россия ²	
Инерционный прогноз	74,13
Целевой прогноз	61,97

¹Для США - Германия и Япония - лица старше 65 лет. Для Франции - лица старше 60 лет. Для Великобритании - женщины старше 65 лет и мужчины старше 60 лет.

Как видно из приведенной таблицы, если мы возьмем инерционный прогноз, то нагрузка на одного занятого при нынешней структуре пенсионной системы к 2050 году будет примерно в 2–2,5 раза выше, чем в наиболее развитых странах – лидерах экономического роста сегодня.

Пенсионная реформа в России началась сравнительно рано, на благоприятном демографическом фоне. В ее рамках заметно укрепилась зависимость условий пенсионирования от размера взносов на пенсионное страхование работников. Начался процесс создания накопительной пенсионной системы. Но если проанализировать прогнозы, то выяснится, что все сделанное недостаточно для обеспечения долгосрочной устойчивости российской пенсионной системы, если под этим понимать сохранение средних размеров пенсии по отношению к зарплате на уровне, близком к тому, который существует сегодня.

Возможное и важное направление решения этой проблемы – ускорение темпов наращивания накопительной части пенсии. Лишь при таком развитии событий можно уйти от крайне болезненного в демократической стране вопроса о пенсионном возрасте.

Кризис призывных армий

Характерная черта постиндустриального перехода – кризис призывной армии. Это процесс закономерный, он связан с трансформацией демографической и социальной структуры. Впервые в Европе призывная армия возникает в Швеции, из крупных стран – во Франции. Переход к ней происходит в условиях аграрного общества, где в семье 5–6 детей. Из них многие не доживают до призывного возраста. В этих условиях потеря ребенка – это беда, но привычная. Для мальчика, который вырос в деревне, путь в армию – это вместе с тем путь в город, возможность социализации, получения элементарного образования, путь к продвижению. В Китае и сегодня для юноши из деревни попасть в армию – социальный успех.

Иная ситуация возникает в странах – лидерах постиндустриального развития. Это страны, где в семьях один-два ребенка, как правило, не более чем один сын, где население урбанизировано, не нуждается в армии как в инструменте социальной адаптации. Рассчитывать на то, что в демократических обществах с такими демографическими характеристиками можно «забрить» этого единственного сына в призывную армию просто потому, что так решит государство, – нереально. Призывная система входит в противоречие с социальными установлениями, нормами поведения. Общество найдет способ защитить своих детей от принудительного призыва. Попытки сопротивления этому стремлению порождают масштабную коррупцию. Когда государство пытается принять законы, ограничивающие отсрочки от воинской службы, оно лишь увеличивает плату за уклонение от призыва, не более того.

В нашей стране реформа комплектования вооруженных сил, переход к контрактной армии – это не идея, порожденная краткосрочными проблемами, которые легко преодолимы, а отражение реалий того этапа развития, на котором сегодня находится страна. При попытке сохранения системы призыва в этих условиях проблемы в армии будут лишь усугубляться. Разница между нами и странами-лидерами состоит в том, что на фоне специфики демографического развития в России, необычно раннего перехода к малодетной семье, в нашей стране эти проблемы обострились раньше.

Вопрос не в том, необходимо ли в России переходить к контрактной армии. Такой переход неизбежен. Вопрос в том, придется ли это делать в авральном порядке, когда выяснится, что в 2007 году некого будет призывать, или это удастся сделать планомерно и с адекватной подготовкой.

Иммиграционная политика

Политика по отношению к иммиграции в странах, находящихся на стадии постиндустриального развития, как правило, была крайне непоследовательна. Здесь сталкиваются две реальности – экономическая и политическая.

Экономическая реальность: в странах с богатеющим населением существует острый дефицит рабочей силы, готовой на неквалифицированный труд. Есть неквалифицированные рабочие места, которые можно экспортировать за рубеж, в менее развитые страны. Но в отношении профессии уборщика, нянечки, грузчика и многих других это нереально. Между тем на высоких уровнях развития резко повышаются требования национальной рабочей силы к качеству труда и рабочего места. Органы трудоустройства не решаются предложить многие рабочие места даже безработному, потому что власти знают: он имеет моральное право отказаться. В то же время есть и потенциальное предложение труда для такого рода рабочих мест. Даже те невысокие зарплаты, которые платят в странах-лидерах за непрестижную работу, для многих выходцев из более бедных стран – возможность социального продвижения, роста благосостояния. В такой ситуации остановить процесс трудовой иммиграции невозможно, как ни пытайся прочнее закрыть границы. Однако общество, особенно в странах не иммигрантских, с высокой долей коренного населения, воспринимает иммигрантов как угрозу. Они нужны как уборщики, строители и грузчики, но не нужны как соседи. Складывается положение, когда иммиграция неизбежно происходит, но часто принимает наихудшую из возможных форм – форму нелегальной иммиграции.

Есть примеры разумной политики в области иммиграции. Канада – пример осмысленной политики, хотя проводимой не без колебаний. За последние 20 лет канадское правительство довело долю иммиграции, определяемую по балльной системе (речь идет об иммигрантах, проезд которых власти страны поощряют, отбирая их с использованием определенных критериев по всему миру), до уровня выше 50 процентов. К сожалению, это исключение.

Россия неизбежно столкнется и уже сталкивается сейчас с теми же проблемами. Посмотрев на рынок рабочей силы в Москве, узнав, кто и на каких рабочих местах работает, нетрудно убедиться, что идея о возможности обойтись без крупномасштабной трудовой иммиграции – нереалистична. Это долгосрочная проблема, с которой

России придется иметь дело в течение многих десятилетий. Даже если абстрагироваться от вопроса о перспективных проблемах численности российского населения (это всегда вопрос точности прогнозов), то по условиям рынка труда страна обречена получать крупномасштабный приток иммигрантов. В этой ситуации разумнее получать тех, кого национальные власти хотят видеть в стране, а не тех, кого бы они видеть не желали.

У России есть уникальная возможность, мало кому доступная. Нас окружают страны, большинство из которых беднее. В этих государствах живут миллионы русских и десятки миллионов русскоязычных, людей, знающих русский язык, русскую культуру, традиции, людей, которые легко интегрируются в структуру российского общества. И вместо того чтобы вести систематическую работу по привлечению талантливой молодежи из стран СНГ в российские вузы с предоставлением российского гражданства, привлечению иностранцев из стран СНГ на службу в Российскую армию по контракту, создавать разумно устроенную балльную систему организации трудовой иммиграции, легализовать иммигрантов, практически живущих в России, интегрировать их в российское общество, – вместо того, чтобы использовать весь этот потенциал, мы заимствуем худшие черты иммиграционной политики стран-лидеров. При этом еще гордимся, что наше последнее законодательство в этой области похоже на европейское. Между тем трудно представить себе нечто менее разумное, чем европейское иммиграционное законодательство.

Трудный путь перемен

Сегодня российское общество сталкивается с тяжелыми проблемами, связанными с тем, что у нас молодая демократия. Демократия, не опирающаяся на традиции, – нестабильна, в ней заложена серьезная угроза эволюции в сторону авторитарного режима или «закрытой демократии». Но одновременно молодая демократия – это период значительной свободы маневра, состояние, когда можно сделать многое из того, что будет исключено через 20 лет. То, как политическая элита распорядится этим окном возможностей в ближайшие 10 лет, будет определять траекторию развития России на предстоящие полвека.

Наша задача на ближайшие перспективы – не искать лучший мировой опыт и пытаться сконструировать из него идеальные устройства для развития России в постиндустриальную эпоху. Задача – четко знать наши реалии, понимать, что у нас будет, а что не будет работать, отслеживать проблемы, стоящие перед страной, и решать их не в последний момент, а заблаговременно.

То, что нам нужно, – это не бегать ни с кем наперегонки, а научиться устойчиво развиваться в условиях меняющегося постиндустриального мира, не ввязываясь в войны, избегая внутренних смут. Научиться извлекать уроки из своих и чужих ошибок. Избавиться от стиля, характерного для нашей страны с начала XVIII века, когда за рывком следуют застой и кризис. Научиться развиваться, используя не столько инструменты государственного принуждения, сколько частные стимулы и инициативу. Сделать это гораздо труднее, чем на короткий срок подстегнуть темпы экономического роста. Для этого нужна тяжелая, последовательная и не приносящая немедленных политических дивидендов работа. Но именно такая политика является ответственной.